

Ибрагимова Елена Шевкетовна

магистрант

Научный руководитель

Махнина Наталья Георгиевна

канд. филол. наук, доцент

Институт филологии и межкультурной коммуникации

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)

федеральный университет»

г. Казань, Республика Татарстан

DOI 10.31483/r-100686

ОБРАЗЫ ПЕРСОНАЖЕЙ И ВЕЩНЫЙ МИР В ТАШКЕНТСКОМ ТЕКСТЕ ДИНЫ РУБИНОЙ

Аннотация: в статье на примере романа Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» рассматриваются особенности городского текста, представленные в образах людей и вещного мира. Отмечено, что исследование городского текста является одним из приоритетных направлений современного литературоведения, а ташкентский текст – одним из проявлений городского текста, которое требует более детального изучения.

Ключевые слова: город, городской текст, образы персонажей, вещный мир.

Изучение «городских текстов» является одним из приоритетных направлений современного литературоведения. Обращение к этой проблеме продиктовано изменениями в национальном самоосмыслении, что ведет к желанию исследовать город как категорию культуры, как символическое, целостное пространство. В отечественной и зарубежной науке существует устойчивый интерес к пониманию текста, в котором объектом изучения становится город. Вычленение и описание городского текста является актуальной историко-литературной и теоретической проблемой.

Все это определяет необходимость обратиться не просто к поэтике воплощения образов конкретных городов, а конкретизировать более общее понятие

городского текста, которое отражает новый тип художественного мышления и новые эстетические реалии.

Все вышесказанное обуславливает актуальность нашей статьи.

Следует отметить, что интерес современного литературоведения к теме города возник еще в трудах Н.П. Анциферова в первой половине XX века, когда ученый начал выявлять «пути изучения города как социального организма» [1, с. 150], в частности, на материале произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, А.А. Блока, посвященных образу Петербурга. Следующий заметный этап в изучении городского текста датируется 70-ми годами XX века, когда этим аспектом заинтересовались такие исследователи, как Р. Барт, Ц. Тодоров, Ю.С. Кристева и представители Московско-Тартуской семиотической школы (В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский). Эти и другие исследователи заложили основу анализа городского текста как интерпретацию пространственных и временных структур и специфику организации в нем телесного и мировоззренческого измерения человеческого бытия, а также выявление сущности городской идентичности.

Современная научная мысль обращается к практическому изучению городского текста. Предметом анализа литературоведов становятся петербургский и московский тексты, провинциальные тексты (казанский, архангельский, челябинский, вятский, пермский) и зарубежные (венецианский, киевский).

Одним из объектов изучения стал в последние годы и ташкентский текст. Исследовательница О.С. Шурупова в диссертационной работе «Концептосфера городских свертксов русской литературы (лингвокультурологический аспект)» рассматривает следующие вопросы: особенности мифологемы «город – рай» в отношении ташкентского текста; анализ концептосферы ташкентского текста русской художественной литературы в контексте городских свертксов [4].

Образ Ташкента ярко проявляет себя в творчестве современной писательницы Дины Рубиной. Это связано с тем, что Ташкент является местом ее рождения и становления. В этом городе она окончила консерваторию, а затем начала преподавать в Институте культуры. С этим городом связано и начало ее писательского пути. В наибольшей степени, на наш взгляд, ташкентский текст представлен в ее романе «На солнечной стороне улицы».

В данном произведении городской текст реализуется посредством временных и пространственных характеристик, а также при помощи образов персонажей и вещного мира, окружающего их.

Говоря о персонажах, следует отметить, что Ташкент для них – это нечто большее, чем просто город, скорее это неотъемлемая часть каждого человека, который жил в городе. Причем это замечание касается не только собственно персонажей произведения, но и самого автора, а также тех людей, которые откликнулись на ее призыв собрать воспоминания об этом городе.

Каждый, кто столкнулся в своей жизни с Ташкентом, вправе подать голос, чтобы охарактеризовать его своеобразие. Но примечательно то, что город для каждого персонажа разный: для тех, кто уехал из него (автор и те, кто присылает ей воспоминания) это, как правило, город приятных воспоминаний, в то время как для других персонажей романа он далеко не всегда столь прекрасен.

Так, Ташкент для маленькой Дины представляется солнечным, теплым, праздничным, отмеченным разнообразными запахами живой природы: «С весны же до глубокой осени мир набухал запахами, сиял пестроцветьем, дарил полную свободу, накалялся нестерпимым солнечным блеском, звуками нескончаемых дворовых игр!» [2]. Для автора – это мир счастливого, беззаботного детства, наполненный любовью семьи и друзей, где, как и у всех, есть огорчения, но они незначительны и смешны, вроде натирающего воротника школьной формы и уроков музыки.

Судьбы главных героинь Кати и Веры противоположны, как и противоположно их видение города. Катя (мать Веры) оказалась в Ташкенте во время войны, истощенная после блокады, фактически умирающая. Незнакомая ей

местная жительница спасла девочку, напоив кислым молоком, полученным за сапоги сына. Казалось бы, первое впечатление от города у девочки положительное, но в дальнейшем город еще покажет ей и негативные стороны: Катя столкнется со смертью брата, а затем – с воровским миром. И девочка, которая могла бы стать актрисой, начинает играть свои роли в преступном мире. Ташкент становится для Кати – жестоким и чужим городом, от которого она постоянно ждет угрозы: «Вот кого надо опасаться – это беспризорников. Они воруют карточки, и нет ничего страшнее на свете, чем карточки потерять» [2]. Неудивительно, что в итоге Катя стала циничной, прожженной, создала свой нелегальный «бизнес», занималась распространением наркотиков и в конечном счете попала в тюрьму за покушение на убийство. Однако Катя не покидает город, подаривший ей жизнь и требующий расплаты за это. Из каждой своих «гастролей», из тюрьмы, она возвращается в Ташкент вновь и вновь.

Ее дочь Вера, напротив, имела шансы вырасти асоциальной личностью, поскольку ее мать с ранних лет бросала девочку одну, не заботилась о ней, фактически познакомила девочку с изнанкой жизни. Тем не менее, Вера даже в этих условиях стала совершенно не такой, как ее мать. «Солнечная сторона» ее жизни – это судьбоносное знакомство с людьми (Дядей Мишей, Стасиком и Леней), которые полностью меняют ее жизнь, делая светлой и счастливой. Вера – художник и Ташкент для нее – это, прежде всего лица, гуляя по улицам, она запоминала их до мельчайших деталей. Лица Ташкента послужили материалом практически для всех ее полотен: «Ее мучили лица. Однажды увиденное лицо – не каждое, а лишь то, которое просило воплощения в другую жизнь, – не оставляло ее никогда, вдруг всплывало во сне или за работой, и она мысленно – как слепой легкими беглыми пальцами – ощупывала лепку этого лица, ее строй, конструкцию, настроение и цвет» [2].

Ключевые персонажи – это Катя и Вера, но в романе представлены еще и другие ташкентцы, зачастую весьма колоритные люди. Это дядя

Миша – опустившийся пьяница, но при этом интеллигентный, начитанный человек, который сыграл важную роль в становлении Веры. Это отец Веры, глава бандитской группировки Семипалый, выехавший на Украину, но все равно в итоге вернувшийся в Ташкент. Еще два персонажа – близкие Вере юноши Стасик (художник-инвалид) и Леня (программист, который любил ее всю жизнь и в итоге женился на ней). Все эти мужчины так или иначе оказали свое влияние на главных героинь (Веру и Катю).

Гораздо реже на страницах романа встречаются другие персонажи – газировщица Цыля, баба Лена (мать Семипалого), Валентин с сыном Сережей. Все они влияют на судьбу Веры и Кати и в то же время представляют собой разные «лица» Ташкента.

Примечательно, что автор вводит в пространство города персонажей, которые, по ее мнению, составляли особый колорит Ташкента времен ее детства: проститутка Маргоша, диссидент Роберто, стилига Хасик, сумасшедший дирижер, руководивший невидимым оркестром, истопник, который в прошлом был знаменитым художником, безумная бабка Фира, сошедшая с ума от ревности, баскетболистка («Огромный костистый Гулливер») [2].

«На солнечной стороне улицы» – это произведение о послевоенном Ташкенте, в который стекались беспризорники, раскулаченные, эвакуированные блокадники, политзаключенные со всего Советского Союза. Персонажи романа являются представителями разных национальностей. Недаром автор вспоминает о том, что город был многонациональным. Люди тесно общались и не видели разницы между «своими» и «чужими» (безусловно, это дань советским традициям). «По официальной переписи населения в Ташкенте обитали девяносто восемь наций и народностей! Стихийный интернационал, «Ноев ковчег» [2].

Стоит отметить, что в Ташкенте в тот период жили и очень образованные люди. Это и знаменитые профессора, и писатели, и целые династии врачей, и кинематографисты, и ученые – все они населяли улицы многогранного Ташкента. «Вот разве что отличало и отличает всех этих бывшеташкентских скитальцев... – это правильная русская речь... потому что из года в год прибывало туда

волнами разных штормов множество непростой штучной публики. Что ж удивляться, что уровень интеллигентности на душу населения в Ташкенте был гораздо выше, чем в среднем по стране!» [2].

Однако, говоря о современном Ташкенте, автор не может не отметить, что интернациональность города исчезла, а вместе с ней – и его колорит. Сейчас Ташкент уже не тот, – пишет автор, и это в том числе, и в связи с утратой его интернациональной специфики: «Однообразная монголоидность лиц вокруг, забытое ощущение собственной детской потерянности» [2].

Итак, люди, населяющие Ташкент, различны по национальности, по возрасту и полу, они занимаются разными делами, одни из них законопослушны, другие – нет, но всех их объединяет именно этот город, неповторимый, не похожий ни на один город мира. Неудивительно, что позднее картины Веры, посвященные Ташкенту, получают особую популярность среди публики (тем более, что они нарисованы, по словам Стаса, с какой-то «сумасшедшинкой», которая так подходит этому городу).

Образы вещного мира имеют иную функцию. Они становятся подтверждением тому, что Ташкент – это дом, который не только принимает, но и спасает, кормит, обогревает тех, кто в него попал.

Поэтому такое внимание уделяется описанию еды. Так, например, подробнейшим образом описана узбекская лепешка: «Дух горячей узбекской лепешки забыть невозможно, он снится мне здесь, в штате Юта, по ночам... Снится, как молодой узбек палкой поддевает ее, вынимает, – круглую, в подпалинах на бугорках, с обожженными зернышками тмина, а посерединке у нее вдавленный такой, жесткий, хрусткий пяточок, за который можно душу дьяволу продать! И от нее волна горячего запаха... как бы это объяснить... материнского запаха, знаете... вот, слов не хватает!.. Да мир на этом запахе стоит!» [2].

С этим же связано и акцентирование тех предметов одежды, которые не только составляют национальный колорит, но и дают человеку тепло или прохладу, верно служат ему: «Узбеки сидят в чайхане в чапанах – по-

лосатых и синих ватных халатах, в чалмах, в тубетейках... и весь день пьют чай, потеют... – им пот служит вентилятором, а чапан удерживает температуру тела в течение всего дня... Вековые народные традиции – так спасаются от жары...» [2].

Катю от голодной смерти в свое время спасла узбечка, дав ей кислое молоко, и этот вид еды также одновременно и демонстрирует национальный колорит, и служит своего рода символом новой жизни для Кати.

Фактически это все описания вещного мира, передающие специфику Ташкента. Те немногие описания комнат Веры или дома, в котором жила Катя, не составляют особой значимости для передачи специфики Города.

В завершении романа автор отмечает, что она стала забывать, как выглядел Ташкент и попросила отца нарисовать его план: «Однажды, не так давно, когда я поняла, что забыла все, совсем, помню лишь названия двух–трех улиц (давно уже переименованных), я попросила отца нарисовать план Ташкента по памяти. Меня заботит тающая вещественность, скудеющая плотность мира, которая позволяет если не останавливать время, то хоть немного тормозить его скользящий гон» [2].

Ей показалось, что хотя бы при помощи этого плана, еще возможно задержать в памяти «тающий» образ Ташкента. Но странно то, что она стала просить всех жителей города, с которыми сталкивалась в новой жизни, нарисовать его план, и каждый раз получала какой-то новый план: «С тех пор каждого знакомого ташкентца я просила рисовать по памяти план города» [2].

И каждый «рисовал нечто совершенно отличное от реально существовавшей карты. Что это значит? Страшно подумать! Что каждый жил в каком-то своем городе? В каком-то своем, вымышленном, нереальном городе? Так может быть, его вообще никогда не существовало?» [2].

В итоге автор приходит к выводу, что реальный город и город каждого ташкентца – это две совершенно различные вселенные, которые, возможно, даже не пересекаются. Кроме того, оказывается, что у каждого ташкентца был

свой город, индивидуальный и неповторимый. Таким он и сохраняется в их воспоминаниях.

Таким образом, городской ташкентский текст в романе Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» представлен в образах людей и связанных с ним вещей (еда, предметы быта, обихода, одежда, посуда).

Помимо главных героев, в романе присутствует большое количество второстепенных и эпизодических персонажей, которые призваны воссоздать особый колорит города послевоенной поры, символически обозначающегося через образ «Ноева ковчега».

Подробное описание вещного мира города с доминированием мотивов еды позволяет представить его двойственную сущность: пристанища, дающего уют, тепло и пищу, и опасного пространства, грозящего утратами.

Список литературы

1. Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. – 2-е изд., испр. и доп. – Л.: Сеятель, 1926. – 150 с.
2. Рубина Д. На солнечной стороне улицы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://flibusta.is/b/202993> (дата обращения: 08.10.2021).
3. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227–284.
4. Шурупова О.С. Концептосфера городских сверхтекстов русской литературы (лингвокультурологический аспект): автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – Елец, 2017. – 54 с.